

Глава 1

ЭНТОНИ КЕЙД ДАЕТ СОГЛАСИЕ

— Джентльмен Джо!

— Ба, да это никак старина Джимми Макграт!..

«Избранные туры Касла», представленные в данный момент семью унылыми особами женского пола и тремя истекающими потом мужчинами, с явным интересом воззрились на встречу. По всей видимости, их мистер Кейд повстречал старого друга. Мистера Кейда обожали все — всех восхищала его стройная фигура, и загорелое лицо, и неподражаемая легкость, с которой он улаживал любые споры и приводил своих подопечных в хорошее расположение духа. А этот его друг... хм, он явно совсем другого склада. Почти такой же высокий, как мистер Кейд, но широкий в кости и совсем не красивый. Про таких, как он, обычно пишут в книжках, что они всегда держат салуны или что-то в этом роде. Но все равно любопытно. Да и потом, разве не для того люди ездят за границу, чтобы своими глазами увидеть все те чудные вещи, о которых читали в книгах? А ведь до сих пор здесь, в Булавайо, было довольно скучно. Солнце жарило немилосердно, отель был плохой, да и пойти особенно некуда, только сиди

6 *Агата Кристи*

и жди, когда настанет пора ехать в Матоппо. Счастье еще, что мистер Кейд предложил открытки с видами. Уж чего-чего, а открыток с видами здесь хватает.

Энтони Кейд и его друг отошли в сторону.

— Какого черта ты здесь делаешь, с этим бабьем? — спросил Макграт. — Гарем решил завести, что ли?

— Ну не с этими же, — ухмыльнулся Энтони. — Ты хоть разглядел их как следует?

— Да я-то разглядел. Думал, может, это ты ослеп, или еще что...

— С глазами у меня в порядке, и со всем остальным тоже. Просто это — «Избранные туры Касла». А я — сам Касл. Точнее, его здешнее воплощение.

— И что же тебя заставило пойти на такую работу?

— Прискорбная нехватка наличности. Уж поверь мне, персональная склонность тут ни при чем.

Теперь ухмыльнулся Джимми.

— Пусть лошадь работает — так, кажется, ты любил говорить раньше?

Но Энтони проигнорировал это клеветническое утверждение.

— Ничего, что-нибудь подвернется, рано или поздно, — ответил он с энтузиазмом. — Что-нибудь всегда подворачивается.

Джимми хмыкнул.

— Если где-нибудь что-нибудь затевается, Энтони Кейд рано или поздно окажется в самой гуще, уж это я знаю наверняка, — сказал он. — Твоему чутью

на скандалы любая ищейка позавидует; к тому же ты живуч как кошка. Так когда мы сможем поболтать?

Энтони вздохнул.

— Мне еще надо свезти этот курятник к могиле Родса¹.

— Вот это правильно, — одобрил Джимми. — Они вернутся все в синяках и шишках после ухабистой дороги и сразу запросятся баиньки. А мы с тобой засядем где-нибудь в укромном уголке и обменяемся новостями.

— Точно. Ну, пока, Джимми.

И Энтони вернулся к своей пастве. На него немедленно набросилась мисс Тейлор, самая юная и потому самая кокетливая в группе.

— О, мистер Кейд, это был ваш старый друг?

— Да, мисс Тейлор. Приятель моей безгрешной молодости.

Мисс Тейлор хихикнула.

— Он показался мне таким интересным мужчиной...

— Я ему скажу.

— Ах, мистер Кейд, противный! Это же надо придумать! А как он вас назвал?

— Джентльмен Джо?

— Вот именно. Так вас зовут Джо?

— Я думал, вы знаете, что мое имя Энтони, мисс Тейлор.

¹ Сесиль Джон Родс (1853—1902) — английский и южноафриканский политический деятель, бизнесмен, строитель собственной всемирной империи, инициатор английской колониальной экспансии в Южной Африке.

8 *Агата Кристи*

— Ах, мистер Кейд, да ну вас! — кокетливо воскликнула мисс Тейлор.

Энтони хорошо усвоил свои обязанности в качестве гида. Ему полагалось не только решать все организационные вопросы, связанные с путешествием, но также поглаживать по шерстке раздражительных старых джентльменов, когда те считали, что их достоинству нанесен урон, следить за тем, чтобы почтенные матроны имели возможность приобрести столько открыток с живописными видами, сколько их душе угодно, и, наконец, флиртовать с любой особой, чей возраст еще не перевалил за почтенные сорок лет. Последнее было для него совсем несложно, поскольку сии юные особы и сами с готовностью отыскивали проявления симпатии в любой, даже самой безобидной его фразе.

Мисс Тейлор снова перешла в нападение.

— Тогда почему он называл вас Джо?

— Наверное, потому, что я не Джо.

— А почему Джентльмен Джо?

— По той же причине.

— О, мистер Кейд, — воспротивилась мисс Тейлор, явно расстроенная, — у вас нет ровным счетом никаких причин так говорить о себе. Только вчера вечером папа сказал, что у вас манеры истинного джентльмена.

— Очень любезно со стороны вашего батюшки, мисс Тейлор.

— И мы все считаем, что вы — настоящий джентльмен.

— Я польщен.

— Нет, я серьезно.

— Добрые сердца важнее корон, — рассеянно заметил Энтони, сам не зная, к чему он это говорит, и всей душой жаждая, чтобы как можно скорее наступило время обеда.

— Ой, это такое красивое стихотворение, я всегда его любила. А вы знаете много стихов, мистер Кейд?

— «На пылающей палубе мальчик стоял» расскажу, хоть ночью разбудите. «На пылающей палубе мальчик стоял, когда все остальные бежали...» Правда, больше я ничего не помню, зато могу рассказать в лицах. «На пылающей палубе мальчик стоял» — вушшш, вушшш, вушш, — это пламя, «когда остальные бежали» — тут я обычно бегаю взад и вперед, как пес, потерявший след.

Мисс Тейлор визгливо расхохоталась.

— Ой, вы только посмотрите на мистера Кейда! Ну разве он не прелесть?

— Время утреннего чая, — оборвал ее Энтони. — Идемте. На соседней улице есть отличное кафе.

— Я надеюсь, — осведомилась своим глубоким контральто миссис Колдикотт, — что это входит в стоимость тура?

— Утренний чай, миссис Колдикотт, — ответил ей Энтони в самой своей профессиональной манере, — оплачивается отдельно.

— Безобразие.

— Жизнь полна испытаний, не так ли? — жизне-радостно заметил Кейд.

Глаза миссис Колдикотт сверкнули, и она зло-радно парировала:

— Я предвидела нечто в этом роде и потому за завтраком отлила себе немного чаю в кувшинчик! А сейчас я разогрею его на спиртовке. Идем, отец.

И супружеская чета Колдикоттов с триумфом двинулась обратно в отель, причем дама даже спиной выражала торжество по поводу своей прозорливости.

— Бог ты мой, — буркнул Энтони, — и каких только людей не встретишь в этом лучшем из миров...

И он, словно пастух стадо, погнал плотную кучку своих обожателей в направлении упомянутого кафе. Мисс Тейлор, семеня с ним рядом, возобновила допрос:

— И долго вы не встречались с этим вашим другом?

— Лет семь.

— А вы познакомились в Африке?

— Да, но не в этих местах. Когда я впервые увидел Джимми Макграта, он был связан по рукам и ногам — его собирались нанизать на вертел, словно куренка. Вы, наверное, знаете, что во внутренней Африке еще остались племена каннибалов. Мы поспели как раз вовремя.

— И что произошло?

— Хорошая маленькая стычка. Кое-кого из ублюдков пришлось прикончить, остальные сделали ноги.

— Ах, мистер Кейд, в вашей жизни было столько приключений!

— В остальном вполне мирных, уверяю вас. Но было ясно, что леди ему не верит.

Было уже около десяти вечера, когда Энтони Кейд вошел в небольшую комнату, где уже манипулировал разнокалиберными бутылками Джимми Макграт.

— Мне покрепче, Джеймс, — попросил он. — Видит бог, я в этом нуждаюсь.

— Не сомневаюсь, приятель. На работенку вроде твоей я бы не согласился ни за какие деньги.

— Если у тебя есть другая на примете, только намекни, и я свою тут же брошу.

Макграт сделал коктейль, опытной рукой опрокинул его себе в горло и тут же смешал второй. Потом неспешно спросил:

— Это ты серьезно, сынок?

— В смысле?

— В смысле, ты действительно готов бросить свою работу, как только найдешь другую?

— А что? Или ты хочешь сказать, что у тебя предложений пруд пруди, выбирай, какое хочешь? Тогда почему ты сам тут сидишь?

— Да я уже выбрал, только работенка мне не больно-то по нраву, вот я и хочу сплавить ее тебе.

Энтони навострил уши.

— А что с нею не так? Ты что, учителем в воскресную школу нанялся, что ли?

— Думаешь, на свете найдется такой дурак, который предложит мне что-нибудь подобное?

— Ну, среди тех, кто тебя знает, — вряд ли.

— Работенка что надо — ничего зазорного.

— А она, часом, не в Южной Америке? А то меня в последнее время туда что-то тянет. В одной из

тамошних банановых республик скоро произойдет тихая маленькая революция...

Макрат ухмыльнулся.

— Революции — это по твоей части. Тебя ведь хлебом не корми, дай только влезть в какой-нибудь скандал.

— Мне отчего-то кажется, что там мои таланты смогут оценить по достоинству. Ни одной стороне, так другой я наверняка придусь ко двору. Все лучше, чем честным трудом зарабатывать себе на жизнь.

— Кажется, я уже слышал от тебя нечто подобное, сынок. Но нет, моя работенка не в Южной Америке — она в Англии.

— В Англии? Возвращение героя на родину после многолетнего отсутствия. Как, по-твоему, Джим, через семь лет меня могут посадить за долги?

— Вряд ли. Ну так что, ты будешь слушать дальше?

— Слушать-то я буду. Только мне непонятно, отчего ты сам за это дело не возьмешься.

— Сейчас расскажу. Я собрался за золотом, Энтони, — далеко, в самую глубь Африки.

Энтони присвистнул и посмотрел на него внимательно.

— Сколько я тебя знаю, Джимми, ты всегда охотишься за золотом. Оно — твоя слабость, твой пункт. Я не знаю другого человека, который в погоне за желтым металлом излазил бы столько же козых троп, сколько ты.

— И рано или поздно я его найду. Вот увидишь.

— Что ж, каждому свое. Мне скандалы, тебе золото.

— Тебе я расскажу все, без утайки. Про Герцословакию когда-нибудь слышал?

Энтони бросил на него осторожный взгляд.

— Герцословакию? — повторил он странно изменившимся голосом.

— Да. Так слышал или нет?

Энтони ответил после ощутимой паузы. Он медленно сказал:

— То же, что и все. Государство на Балканах, верно? Главные реки неизвестны. Главные горы также неизвестны, хотя их хватает. Столица: Экарешт. Население: в основном разбойники. Любимое местное развлечение: убивать королей и устраивать революции. Последний король, Николай Четвертый, был убит лет семь тому назад. С тех пор у них республика. В общем, местечко еще то. Мог бы и намекнуть, что Герцословакия имеет отношение к твоему делу.

— А она и не имеет, разве что косвенно.

Энтони воззрился на него скорее с грустью, нежели с гневом.

— С этим надо что-то делать, Джеймс, — сказал он. — Пройти какие-нибудь заочные курсы или еще что-нибудь в этом роде. Расскажи ты такую историю в старые добрые дни где-нибудь на Востоке, тебя подвесили бы головой вниз и хлестали бы палками по пяткам до тех пор, пока ты не испустил бы дух, а то и еще что-нибудь похуже сотворили.

Но Джимми, нимало не убоившись подобных строгостей, продолжал следовать своим курсом.

— Слышал когда-нибудь о графе Стилптиче?

— Спрашиваешь, — отвечал Энтони. — Многие

люди, и слыхом не слыхавшие о Герцословакии, загораются при одном упоминании о графе Стилптиче. Балканский Старик. Для одних — величайший политик современности. Для других — величайший неповешенный мошенник. Точка зрения зависит от направления, которого придерживается газета. Но в одном можно не сомневаться: графа Стилптича будут помнить еще долго после того, как мы с тобой обратимся в прах, Джеймс. Последние двадцать лет на Ближнем Востоке никто и пальцем не смеет пошевелить без ведома графа Стилптича. Он и диктатор, и патриот, и государственный деятель, и уж не знаю кто еще... одним словом, он — король интриг. Ну и к чему ты о нем вспомнил?

— Он был премьер-министром Герцословакии — вот почему я о ней говорил.

— У тебя нет чувства соразмерности, Джимми. Ну что значит какая-то Герцословакия рядом со Стилптичем? Не более чем место, где родился гений и где началась его политическая карьера. Но он, кажется, умер?

— Верно. В Париже, пару месяцев назад. А я рассказываю тебе о том, что случилось давно, еще за несколько лет до этого.

— Проблема в том, — сказал Энтони, — чтобы понять, что именно ты мне рассказываешь.

На этот раз Джеймс принял упрек близко к сердцу и поспешил исправиться.

— Дело было так. Я обрелся в Париже — года четыре тому назад, что ли, точнее не припомню. Иду как-то поздно вечером по улице, народу кругом

никого, вдруг вижу — с полдюжины крепких французских парней бьют приличного с виду пожилого джентльмена. Ну, поскольку я терпеть не могу потасовок, исход которых определен заранее, то я быстренько вмешался и навешал французам. Они растаяли, как снег под весенним солнцем! Наверное, раньше их никто по-настоящему не бил.

— Молодчина, Джеймс, — мягко заметил Энтони. — Жалко, меня там не было, я бы с удовольствием посмотрел.

— Да нечем там было особенно любоваться, — скромно ответил Джеймс. — Старик, правда, обрадовался сильно. Он явно пропустил до того пару стаканчиков, но был не настолько пьян, чтобы не записать мое имя и адрес, а на следующий день приехал сам и поблагодарил меня еще раз. Да так стильно, знаешь ли... Тут-то я и узнал, что выручил самого графа Стилптича. Он жил тогда возле Буа.

Энтони кивнул.

— Верно, Стилптич перебрался в Париж после убийства короля Николая. Позже его звали назад, предлагали ему президентское кресло, но он не клюнул. Остался верен своим монархическим принципам, хотя, как говорят, ни одна афера на Балканах не обходилась без его участия. Хитрый он был лис, этот покойный граф Стилптич.

— А Николай Четвертый был, кажется, из тех, кто неосмотрительно выбирает себе жен, так? — спросил вдруг Джеймс.

— Да, — отвечал Энтони. — Но он рассчитался за свой выбор сполна, бедняга. Она была певичкой